

ПЕРЕВОДЫ

*Терборн Г.**

МУЛЬТИКУЛЬТУРНЫЕ ОБЩЕСТВА**

Краткое содержание

Термины «мультикультурное общество» и «мультикультурализм» возникли в Канаде в 1960-х годах, но обозначаемый ими феномен известен с глубокой древности. Термин «мультикультурализм» («мультикультурный») употребляется в трех различных контекстах – в политическом, относящемся к политике и институтам; эмпирическом, описывающем различные общества; и, наконец, в политической и социальной теории и философии. Во всех трех контекстах слово используется как сторонниками, так и противниками этого явления.

Исторически сложились четыре основных типа мультикультурных обществ, у каждого из которых свое историческое происхождение и своя динамика. Это империи, существовавшие до эпохи современности; поселения в Новом Свете; колониальные и бывшие колониальные общества; наконец, постнациональное мультикультурное общество, характерное для современной Северной Америки, Океании и Западной Европы. До самого недавнего времени большая часть Западной Европы была областью специфического культурного единообразия.

Новый, сознательный мультикультурализм возник благодаря новому всплеску неоднородной по своему составу иммиграции, росту процессов самоутверждения и самосознания коренных народов Нового Света и американских негров, а также благодаря новым культурным движениям – феминизму и движению гомосексуалистов в США. Канада и Австралия приняли мультикультурную политику и соответствующие институты открыто и безоговорочно, а США и Западная Европа – лишь неявно и частично. Мультикультурализм и его эквиваленты всегда были и остаются политически противоречивыми и часто порождают направленные против них движения, ставящие своей целью защиту единой культуры.

Мультикультурные общества и движения представляют собой серьезный вызов традиционной политической философии, социальной теории и политической идеологии Запада, занятых теперь проблемой значения культурной идентичности и функционирования культур, адекватным конструированием политической жизни, задачами сохранения существующего и действующими факторами изменений. Кое-что из этого уже стало предметом дискуссий.

*.Терборн Гёран – профессор

** «Multicultural Societies». Работа любезно предоставлена автором для готовящегося в России издания.
© Göran Therborn, 2001

© Центр Фундаментальной Социологии, 2001

Происхождение и контексты употребления понятия «мультикультурализм»

«Мультикультурный», «мультикультурализм», «мультикультурные общества», «мультикультурность» – недавно сложившиеся обозначения феномена, имеющего древнее происхождение. Общества, которые сейчас называются мультикультурными, раньше именовались «мультинациональными», «мультиэтническими», «мультирелигиозными», «мультирасовыми», «сегментарными». Они рассматривались как проявления «культурного плюрализма», «культурных различий» и «метисизации» (Латинская Америка). Сам термин «мультикультурализм» возник в Канаде в 1960-е годы в ходе поисков путей разрешения ситуации и управления бикультурной в то время (англо-французской) страной. Официальное политическое признание он получил в 1971 году.

В Австралии это понятие стало употребляться начиная с 1970-х годов, но, тем не менее, оно не упоминается ни в 7-ом томе Австралийской энциклопедии (1983), ни в Американской энциклопедии (*Encyclopedia Americana*) (1979). Нет его также в 15-м издании Британской энциклопедии (1986), во 2-м издании Большой энциклопедии Каталонии (*Gran Encyclopèdia Catalana*) (1988) Шведской национальной энциклопедии (1994), где термин «*multikultur*» относится исключительно к сельскому хозяйству. В Большом энциклопедическом словаре Лярусса (1984–1986) этот термин упоминается без словарной статьи, а в 19-м издании Немецкой энциклопедии Брокгауза (1991) толкуется достаточно подробно. Итальянская энциклопедия *Utet Grande Dizionario Enciclopedico* (1989) не включает его в свои основные тома, но соответствующая статья есть в томе Приложений, вышедшем в 1997 г. (Во время подготовки статьи новое издание Большой испанской энциклопедии еще не дошло до буквы М). Таким образом, это выражение редко используется за пределами Северной Америки, Океании и Западной Европы.

Понятия «мультикультурность» и «мультикультурализм» употребляются обычно в трех контекстах. Один из них политический, в рамках которого приводятся аргументы «за» или «против» политики мультикультурализма и соответствующего способа управления, причем как сторонники, так и противники пользуются этим термином. Именно в данном контексте в Канаде в 1960-е годы и зародилось это понятие. Другой контекст – эмпирический, дескриптивный либо аналитический. Он имеет место в научных трудах и в общественных дебатах, затрагивающих различные проявления культурной неоднородности общества, и наиболее тесно связан с появлением «мультикультурных обществ». Третий контекст относится к социальной и политической философии, к вопросам социального и политического порядка и прав человека в условиях неоднородности культуры того или иного общества.

Нынешний интерес к проблеме мультикультурализма (не зависимо от того, носит ли он теоретический или эмпирический характер) связан с тем, что культурные различия в обществе, организованном в форме государства, не только не исчезают или сглаживаются, но, напротив, проявляют явные тенденции к нарастанию. Этот факт подтверждается динамикой развития двух феноменов. Речь прежде всего идет о новой волне иммиграции. Не-британская иммиграция в Канаду и Австралию поставила под вопрос бикультурность первой и британо-европейский монокультурализм второй. В Соединенные Штаты иммигранты сейчас прибывают в основном не из Европы, а из латинской Америки, Карибских островов и Азии. В 1960-е годы Европа уже была континентом, покрытым сетями иммигрантских потоков, а к концу 1980-х–началу 1990-х даже те европейские страны, которые являлись основными поставщиками иммигрантов – Италия, Греция, Португалия, Испания, Ирландия, – сами стали включать в себя большие иммигрантские сообщества, в основном не-европейцев. В

странах с традиционно высокой степенью этнической гомогенности (например, в Швеции) 10% населения – больше, чем в Соединенных Штатах – составляют сейчас люди иностранного происхождения. Но вопрос о мультикультурализме возник не только благодаря иммиграционным потокам, в которые с обеих сторон – выпускающей и принимающей – вовлекались все новые государства. Гораздо большую роль сыграло то обстоятельство, что поведение иммигрантов опрокидывало сложившиеся ранее представления. В богатом Новом Свете перестало убедительно звучать понятие «плавильного котла», т.е. идея о том, что через некоторое время, поколение или два спустя, специфические культуры и идентичности иммигрантов переплавляются в «американскость», «канадскость», «австралийскость» и т.д. Во Франции и странах Северо-Западной Европы такому же сомнению подверглась идея ассимиляции. В Центральной Европе представление об иммигрантах как о временном явлении, гастарбайтерах, уступило место осознанию того, что они будут там постоянно.

Второй путь утверждения мультикультурализма был связан с культурной политикой идентичности. Здесь центральную роль играют Соединенные Штаты. Начало было положено студенческим и молодежным движениями второй половины 1960-х годов, которые бросили вызов устоявшимся стереотипам и институтам. В США эти движения с самого начала имели сильный антирасистский оттенок, что было связано с выступлениями чернокожих за свои права. Однако политика идентичности (или политика различия, как ее также называют) не была ни частью, ни легитимным наследием борьбы за гражданские права, которое ставило своей целью интеграцию и равные индивидуальные права независимо от цвета кожи. Скорее, она была следствием борьбы за институциональное равенство, когда то, что отличается, утверждается как равно достойное. Таковы, например, движения «Черная Сила» («Black Power») и «Черное прекрасно» («Black is beautiful»). Аналогичные движения, выражающие гордость за свою культуру прежде дискриминированных, маргинализированных и часто презираемых этнических групп, получили распространение среди коренного населения стран, созданных переселенцами, в частности, в Канаде, Австралии и Новой Зеландии. От радикального молодежного движения отпочковалось также сильная феминистская ветвь.

Если левая молодежь в Европе впоследствии повернулась к рабочему классу и классическому рабочему движению, то молодежные выступления в США трансформировались в более широкое культурное течение, в рамках которого пытались утвердить себя множество вновь возникших направлений. В 1970-е годы берет начало «политика идентичности». Ее требования признания и уважения поддерживали феминистки, афро-американцы, латино-американцы и многие другие этнические группы, а также лесбиянки и гомосексуалисты. Все эти разнородные группы объединял, во-первых, вызов, который они бросили господствовавшему в Америке ценностям – доминированию мужчин, европоцентризму, гетеросексуальности, и, во-вторых, нетеррористический, ненасильственный характер этого вызова. Под сомнение был поставлен специфический вид монокультурности или культурной гегемонии на данной территории, но ни о расколе, ни об учреждении альтернативных законов или правления речи не шло. В этом и состоял вызов мультикультурализма.

Четыре типа мультикультурных обществ

С точки зрения происхождения и социальной динамики можно выделить четыре основных типа мультикультурных обществ.

1. Досовременные империи

Досовременные империи лишь отчасти и случайно, если вообще стремились к культурной интеграции своих подданных. Такие империи были образованы в результате завоеваний (иногда – благодаря династическим бракам или наследованию); имперская власть требовала от своих подданных лишь подчинения и признания своего верховенства, дани и/или налогов. Как правило, эти империи отличала высокая степень религиозного, языкового и нормативного (законы плюс обычаи) разнообразия.

Несмотря на дискриминацию и периодическое преследование неимперских религий, здесь редко предпринимались серьезные попытки утверждения религиозного единообразия. Испанская империя после 1492 года являлась в этом смысле редким исключением. Еще меньше значения придавалось языковому и правовому единообразию. И если суды, армии и административные органы все-таки развивали свои языковые уставы, причем также редко мооязычные, то язык, который употребляли подданные империи, вообще никого не интересовал. Законы редко просто учреждались, они обычно интерпретировались и адаптировались к конкретным реалиям. Завоеватели уважали законы и обычаи поработанных ими стран, по крайней мере, *de facto*, а также и *de jure*, делая по этому поводу торжественные заявления. Эти законы и обычаи в основном касались семейной сферы (браки, наследование), религиозных вопросов, права на землю, привилегий аристократов и городских корпораций, но могли включать в себя и уголовное законодательство по отношению к данной группе населения.

Внутренняя культурная динамика этих обширных, слабо управляемых социальных систем в основном обеспечивалась привлекательностью карьеры или получения доли имперского богатства, что стимулировало переход к имперской религии и изучения языка(ов) судопроизводства, армии и администрации. Начиная с XIX столетия, столкнувшись с популярным в современную эпоху национализмом, активно пытались внедрять имперский язык и религию, но особого успеха не добились.

Этот тип обществ существовал в Восточной и Центрально-Восточной Европе в рамках Польско-Литовской Унии, империй Габсбургов и Романовых, Османской империи, в которую входила большая часть арабского мира, в Персидских империях, Империи Великих Моголов на севере Индии и имевшей более крупное и более унифицированное ядро Китайской Поднебесной Империи. Этнически в огромной китайской империи доминировала народность хань, у множества чаще всего непонятных друг для друга диалектов был общий письменный алфавит. При последней правящей династии Цин значительная часть придворной аристократии происходила из явно не китайского этноса манчжуров, и государственными были три языка – китайский, манчжурский и монгольский.

К тому же типу принадлежали американская империя инков, существовавшие в Западно-Африканской саванне в X–XVII веках империи Гана, Мали и Сонгаи. Но японская и корейская монархии отличались исключительной культурной односторонностью.

В конце XVI века, когда христиане в Европе воевали друг с другом, монгольский император Акбар, правивший Северной Индией, включая Афганистан и Бенгалию, лишил ислам статуса государственной религии империи и провозгласил равенство конфессий. К его двору были приглашены представители христианства, зороастризма, индуизма, джайнизма и его собственной религии – ислама.

Правители, заинтересованные в развитии своих стран, в малонаселенной, экономически сравнительно отсталой Восточной и Центральной Европе, поощряли инокультурную иммиграцию – евреев в Польшу и Литву с XIII века (наиболее

интенсивно – в XIV веке), немцев в Трансильванию в средние века и в Россию при Екатерине Великой в XVIII веке. Точно также гостеприимно приняли исламские правители Оттоманской империи евреев-сефардов, изгнанных после 1492 года в результате Реконквисты из Испании. Большие и малые города Центрально-Восточной Европы от Стамбула до Санкт-Петербурга были преимущественно либо полиэтническими, либо в них господствовали инородцы, отличные от местного населения. Особенно большую роль среди городского населения играли греки, армяне, евреи и немцы.

В противоположность постреформационному единообразию большей части Западной Европы, в Восточной Европе полирелигиозный *modus vivendi* включал в себя православных, католиков, католико-православных униатов, лютеран, кальвинистов, армяно-григорианскую и армяно-католическую церковь, иудеев и мусульман (татар, боснийцев, албанцев, турок). Эта религиозная мозаика во многом сложилась благодаря политике веротерпимости, которая осуществлялась в Оттоманской империи не только на Балканах, но и в Венгрии, а также благодаря поддержке оттоманскими правителями протестантских трансильванских князей после их изгнания из Венгрии. Католическая контрреформация, столь успешно проведенная в Польше (по крайней мере, с точки зрения христианской монорелигиозности), так и не смогла полностью вернуть в католичество все венгерские земли.

Поздние досовременные империи Романовых и Габсбургов отличались очень высокой степенью мультикультурности. Например, в российской переписи 1897 года упоминается более 130 народностей, которые исповедовали все христианские и исламские религиозные деноминации, различные направления иудаизма, буддизма и так называемый анимизм. Габсбургская империя к концу Первой мировой войны включала в себя 13 больших этнических групп, а также менее крупные меньшинства – немцев, венгров, чехов, поляков, украинцев, румын, ховатов, сербов, евреев (не признававшихся этнической группой), словаков, словенцев, боснийцев, итальянцев. Если говорить о религии, это означало представленность четырех основных версий христианства – католицизма, православия, лютеранства и кальвинизма, а также иудаизма и суннитского ислама.

Последние досовременные империи были сметены в ходе Первой мировой войны. Но разнообразное наследие мультикультурных империй продолжало существовать вплоть до Второй мировой войны в виде многовариантности семейного законодательства в Польше, Югославии и Румынии.

Коммунистический Советский Союз и возникшая после Второй мировой войны коммунистическая Югославия положили начало монокультурным многонациональным государствам. Политическое и идеологическое единообразие, включая строгий надзор над культурой, сочеталось с поддержкой национальных институтов, территориальных органов управления, национальных языков и письменности – которая у многих советских народов отсутствовала – и соответствующей символики (флаги, гербы и т.п.). В 1991–1992 годах и СССР, и Югославия распались по линиям административных границ, что иногда сопровождалось этническим насилием.

Западноевропейские исключения

Западная Европа в целом являла собой примечательное исключение из современной мультикультурной политики второго тысячелетия нашей эры. В отличие от явно плюралистических империй, состоявших из разнообразных, достаточно автономных образований в Западной Европе со времен позднего средневековья сложились относительно компактные и единообразные комплексы государств,

связанные между собой общей воинственной церковью с ее крестовыми походами и латинским языком. Конечно, Священная Римская Империя германской нации тоже была разнообразной, но ее трудно считать единой империей как в военном, так и в финансовом смысле.

Изгнание евреев из Западной Европы впервые произошло во Франции в 1182 году. Вначале этот процесс был не особенно активным, но затем с большей настойчивостью продолжился в Англии в 1290 году, во Франции в 1306 и 1394 годах, в других частях Западной Европы на протяжении XV столетия, в Испании и Сицилии с 1492 года. В Германии изгнание евреев сопровождалось периодически возобновляющимися погромами и преследованиями, и не было результатом официального решения, а в Италии призывы к преследованию со стороны пап реализовались лишь частично. Независимые торговые города, такие как Венеция и более радушный Амстердам, оставались открытыми для евреев.

В то время как оттоманы на юго-востоке терпели христиан и евреев как легитимных, хотя и неполноценных верующих и даже поощряли иммиграцию евреев, христианская Реконкиста на юго-западе сопровождалась изгнанием и мусульман, и евреев, а также преследованием тайных мусульман и евреев. Инквизиция западноевропейской католической церкви не имела прямых аналогов среди остальных мировых религий.

Религиозные войны Реформации, в ходе которых велась вооруженная борьба за религиозное единообразие, закончились признанием принципа *eius regio, cuius religio* – «кто правит, того и вера».

На пороге современной эпохи, во времена Просвещения и Французской революции, Западная Европа выделялась из всего мира своей религиозной и монокультурной замкнутостью. Однако в рамках данной религиозной культуры дело обстояло иначе не только с правами человека, где Западная Европа имела уникальную долгую традицию независимости права от власти, но и с политическим представительством, с выборами папы и императора, представительством сословий и городским самоуправлением.

Просвещение и Французская революция принесли с собой религиозную терпимость и дали импульс новому развитию гражданских прав в Западной Европе, которое в свою очередь, повлекло за собой весьма успешную политику административно-правовой, юридической и этнолингвистической унификации. В Швеции эти процессы начались в XVII веке и получили затем новый толчок в связи с Французской революцией, породившей, кроме того, международную модель единой кодификации права – Кодекс Наполеона. На протяжении XIX и первой половины XX столетия этнолингвистическое единообразие утвердилось в Западной Европе, а позднее и в постимперской Центрально-Восточной Европе. Тем самым «крестьяне превратились во французов» (Эжен Вебер), а итальянцы в 1861 году были «сделаны» Массимо д'Ацелио из населения, среди которого, как было подсчитано, лишь 2–3% понимали итальянский язык.

Уникальным мультикультурным обществом в Европе (особенно в Западной Европе) является Швейцария, где сосуществуют четыре официальных языка – немецкий, французский, итальянский и рето-романский и две равно распространенные версии христианства – католичество и протестантизм. Это общество было основано на древнем прочном союзе автономных, гомогенных в культурном отношении кантонов, занимающих относительно ограниченную горную территорию, которая всегда находилась под угрозой нападения внешних сил, таких как Габсбурги и Савойская династия. В католической Швейцарии никогда не было единой церкви. На протяжении

XIX столетия, пройдя сквозь череду небольших внутренних войн, из конфедерации кантонов она превратилась в свободное федеративное государство.

Между двумя мировыми войнами появились новые исключения из западноевропейского исключения: некий, не имеющий названия западноевропейский мультикультурализм. Он представлял собой своего рода политико-религиозный мультикультурализм, состоящий из исторически сложившейся «смеси» массовой мобилизации, иерархического подчинения и слабого государства. Примером наиболее типичного, наименее конфликтного и самого долговечного подобного мультикультурного западноевропейского общества являются Нидерланды, которые включали в себя также Бельгию и Австрийскую республику от момента распада империи до утверждения в начале 1930-х «австрофашизма».

Начиная с 1920-х годов, когда Нидерланды окончательно институционализировались, и до середины 1960-х, когда они стали стремительно распадаться, голландское общество представляло собой непростое, но стабильное и ненасильственное соединение культурных «опор» (zuilen) с единой денежной системой. Наиболее крупными были католическая, кальвинистская и социал-демократическая «опоры», более рудиментарной – либеральная. Каждая «опора» имела свои собственные школы, финансировавшиеся за счет общественного налогообложения, собственные больницы, собственных социальных работников, собственные профсоюзы, собственные объединения работодателей (кроме социал-демократов), собственные политические партии, собственные газеты, собственные радиостанции – короче говоря, собственные организации для почти всех мыслимых видов человеческой деятельности, за исключением вооруженных сил и судов. Существовали, например, союзы римско-католических скотоводов и протестантских садовников. Объединяла эти «опоры» коалиция на высшем уровне. По конституционным вопросам «конфессиональные» (религиозные) партии выступали сообща, и перед Второй мировой войной и «конфессионалы», и либералы разделяли отвращение к социал-демократии. После войны на такой же социоэкономической основе была создана социополитическая коалиция между лейбористской партией и католиками.

В Бельгии аналогичные тенденции (там только не было кальвинистов) были пресечены франкофонофламандскими раскольниками. Обедневшая и недостаточно легитимная Австрийская республика разделилась на три враждебных «лагеря», имевших свои военные формирования. Самым большим был лагерь христианских социалистов-католиков, затем – социалистов, а третий, самый маленький лагерь, сформировали антиклерикальные немецкие националисты. Все это закончилось гражданской войной и coup d'état* перед нацистским аншлюссом.

Несмотря на сравнительно небольшое число исторических исключений, эти примеры дают достаточно эмпирических свидетельств для философских дискуссий о мультикультурализме. Они демонстрируют диапазон возможностей – от насилия до мирного сосуществования и общего развития, от долговечности до исторической кратковременности.

2. Поселения Нового Света

Обе Америки и Австралия были завоеваны, а не «открыты». Они претерпели депопуляцию как следствие геноцида, произошедшего в основном из-за вторжения европейских микробов и инфекционных болезней, но также и в результате преднамеренного насилия, и были вновь заселены в результате крупномасштабных иммиграций из Европы. За исключением Гватемалы и Боливии большинство нынешних

* Переворот (лат.) – *Прим. перев.*

обитателей Нового Света европейского происхождения. Только в Эквадоре и Перу, расположенных в Андах, и в Новой Зеландии аборигены составляют более 10% населения. При этом доля метисов может быть выше – например, в Мексике. Однако, как стало очевидно с момента возникновения общественных движений 1980-х годов, коренное население и его культура никогда не исчезали. Вынужденные долгое время находиться в тени, сейчас они вновь утверждают себя.

Продолжавшийся на протяжении трех веков вывоз из Африки рабов для работы на плантациях (особенно в США, на Карибах и в Бразилии) и использование подневольного труда индийцев в XIX веке в Гайане и Тринидаде внесли свой вклад в образование этнической «смеси». Однако основной приток населения осуществлялся за счет европейских иммигрантов различных этносов, языков и религий.

Европейцы ехали в Америку по своему выбору, развивая идею «плавильного котла», в котором представители различных этносов переплавятся в единую американскую идентичность – скажем, гражданина США, Канады, Аргентины и т.д. Эта идея была выдвинута в 1782 году в Нью-Йорке Дж. Де Крекёром* и позднее, в 1908 году, популяризирована в бродвейском спектакле. Фактически она стала главной тенденцией социальных изменений. К началу Второй мировой войны многие газеты, издававшиеся на национальных языках иммигрантов, и организации, объединяющие иммигрантов первого поколения, либо закрывались, либо превращались в американоязычные и англо- или испаноязычные ассоциации.

США создавались и на основе религиозного разнообразия, они были своего рода гаванью, приютившей религиозных инакомыслящих и девиантов со всего мира, в частности, христианских сектантов и иудейских меньшинств. Постепенно эта религиозная открытость распространилась на другие поселения Нового Света. Религия могла также слиться с этничностью в единое этно-религиозное целое, особенно в Северной Америке и в Австралии.

Волны иммиграции определяли наиболее значительную культурную динамику образования наций Нового Света – иммигранты обживались на новом месте, адаптировались и пытались развить свои собственные институты как базис власти и преуспевания. Эти процессы не только противодействовали ассимиляции в плавильном котле, но и способствовали формированию этнических, этно-религиозных или групповых интересов и порождали различные политические ориентации.

Нации Нового Света образовались благодаря «заселению», и в XIX веке южно-американские интеллектуалы – в Аргентине, Бразилии и Чили – горячо обсуждали, кого именно призывать иммигрировать в их страны для участия в строительстве нации. Начиная с Первой мировой войны межконтинентальная миграция замедлилась, превратившись в 1930-е и 1940-е годы в тонкую струйку, и лишь немного усилилась в следующее десятилетие. К началу 1960-х даже специалистам могло показаться, что массовая иммиграция в Новый Свет осталась в прошлом. Но применительно к Северной Америке и Австралии это оказалось далеко не так.

3. (Бывшая) Колониальная зона

Обширная область, простирающаяся от Западной Африки через Индийский субконтинент и архипелаг Юго-Восточной Азии к тому, что сейчас называется Папуа–Новая Гвинея, была завоевана и подчинена европейской власти, но не подверглась столь решительной депопуляции и заселению. Это был мир колониальной зоны

* St. John De Crèvecoeur (Crèvecoeur, Michel-Guillaume-Saint-Jean de, также известен как Hector Saint John de Crèvecoeur 1735–1813), – франко-американский фермер, писатель, чьи работы представили все многообразие сельской жизни в Новом Свете.

независимых государств, которые включают в себя наиболее разнообразные в культурном отношении общества.

В одних случаях внешняя колониальная власть соединила большое число ранее никак не связанных народов, в других – из-за принадлежности разным колониальным властям единые ранее народы и общества оказались разделенными. Эти области уступили колониальной силе в известной степени из-за того, что были слабо развиты политически и экономически. Проживавшие здесь народы были изолированы, теперь же они неожиданно оказались связаны друг с другом. Жители острова Новая Гвинея, например, завоеванного голландцами и немцами, говорят на 750 различных языках (по другим подсчетам, их около тысячи). В Африке проживают около 1200 различных народов или этнических групп.

Вторую часть колониальной динамики составляет воздвижение четко институционализированных и явных барьеров между колонизаторами и колонизованными. Вполне естественно, что эти барьеры породили антиколониальный национализм и националистические движения.

Программа и символика национализма были привнесена из недавней истории самих колониальных держав. Новые антиколониальные нации определяли себя в терминах колониальных границ. Новые национальные государства, таким образом, унаследовали мультикультурность произвольных колониальных разделений.

В начале 1960-х годов большая группа советских ученых предприняла пока самую амбициозную попытку освоения и сравнения этно-лингвистического разнообразия обществ, заключенных в государственные границы. Из пятнадцати наиболее мультикультурных в этом смысле обществ четырнадцать оказалось из Африки района Сахары, а оставшееся – из Индии (Папуа–Новая Гвинея не была включена). По их подсчетам, вероятность обнаружить двух танзанийцев, конголезцев или угандцев, принадлежащих к одному и тому же этнолингвистическому сообществу, меньше чем один к десяти. Напротив, в Японии или Португалии вероятность найти двух людей, **не** принадлежащих к одной и той же этнолингвистической группе, составляет один к ста, в Германии и Италии – соответственно три и четыре к ста. Сегодня около 1200 этносов Африки распределены между 55 государствами. Жители самого большого из них, Нигерии, говорят примерно на 400 языках. В Индии антропологи насчитывают приблизительно 5000 различных культурных «сообществ», определяемых языком, религией, кастой или другими этническими критериями. В этой стране 18 официальных языков, плюс английский, а элита говорит на французском. Здесь сосуществуют около сотни языков, на которых говорят свыше 100 тысяч человек, и дюжина различных письменностей. Федеральное индийское радио вещает на 190 языках.

Таким образом, постколониальная политика должна быть направлена на то, чтобы управлять этим невероятным культурным разнообразием и предусматривать возникновение взрывов, нарушающих порядок и мирное сосуществование. Большинство вспышек насилия между сообществами явились следствием специфических бикультурных конфликтов. Таковы столкновения между индуистами и мусульманами в Индии во времена раздела 1947 года, попытка народа ибо отколоться от Нигерии и создать государство Биафра в 1967 году, недавний конфликт между хуту и тутси в Бурунди и Руанде, вылившийся в геноцид. Но представляется, что развитие экономики и образования страдает от постоянного этнокультурного партикуляризма. Успешно развивающиеся страны Юго-Восточной Азии значительно более однородны.

4. Постнациональная мультикультурность

Современное понятие мультикультурности (мультикультурализма) порождено именно такой культурной динамикой, которая не была ни донациональной – как в досовременных империях, ни создающей нации, как в Новом Свете и эксколониальной зоне. Она постнациональна, поскольку возникла уже после успешного создания наций, и разворачивается в границах национальных государств. Ее развитие связано с массовым распространением высшего образования в 1960-х годах и с новыми аудиовизуальными и музыкальными массовыми культурами.

Таким образом, к возникновению постнационального мультикультурализма привели два больших толчка – один имел место в Новом Свете, в первую очередь и наиболее мощно в Северной Америке и Австралии, а другой – в Западной Европе, в первую очередь и наиболее энергично в Северо-Западной Европе. В обоих случаях под вопрос ставилось былое единство наций.

В Новом Свете главным толчком был вызов белым переселенцам, их «европейскости». Рынок труда нуждался в большем притоке иммигрантов. Внутреннее и внешнее давление против эксклюзивных условий для избранных этносов и новые мировые геоэкономические тенденции привели к возникновению новых, гораздо более разнообразных в культурном отношении волн иммиграции в Северную Америку и Океанию – из Латинской Америки, Карибов и Азии. С другой стороны, Латинская Америка стала субконтинентом внешней эмиграции.

Кроме того, два обстоятельства – позиция коренного населения, бывшего объектом насильственного завоевания, и отголоски принудительного рабства выдвинули на передний план вопросы расы и расизма.

После длительного периода угнетения и маргинализации потомки рабов и коренного населения обрели достаточно сил и союзников среди переселенцев, чтобы бросить вызов своему исключению. Этот процесс получил серьезное развитие в США в 1960-х годах и затем распространился на весь Новый Свет. Наиболее значительного успеха достигли афро-американцы в США, майори в Новой Зеландии и аборигены в Австралии. В Латинской Америке изменения были сравнительно невелики, хотя 1992 год – пятисотлетний юбилей начала европейского завоевания обеих Америк – дал американским индейцам важный символический повод для сплочения.

Вызов превосходству белых все в большей степени формулировался не только в терминах равенства, но в требованиях права на такое *различие*, которое не влечет за собой дискриминацию или маргинализацию. В этом пункте сходятся движения коренного населения – под руководством новой образованной страты – вновь доказывающие необходимость культурного признания и реституции или компенсации за земли, награбленные переселенцами; самосознающие себя черные афро-американцы и выступления новых неевропейских иммигрантов, приехавших после ослабления чрезвычайно дискриминационных ранее иммиграционных законов. Новые этнические движения и требования развивались наряду с возникшими чуть позже параллельными движениями культурного феминизма, а также геев и лесбиянок. В связи с появлением последних некоторые представители мультикультурализма пришли к выводу о необходимости включать в качестве «культур» в мультикультурное общество также и группировки или сообщества, объединенные определенным стилем жизни.

В течение 1960-х–1970-х годов менялись также миграция и культурная история Западной Европы. Когда начались заморские завоевания и экспансия, Европа была континентом, откуда эмигрировали. Строительство европейских наций в современную эпоху задумывалось в терминах этнолингвистической унификации, которая теперь считалась гораздо более важной, чем предыдущая унификация по религиозному

признаку. Единственное исключение из европейской модели внешней эмиграции, Франция, была идеологическим и институциональным предшественником процесса национальной унификации, выраженного в концепте французской нации как «une et indivisible»*.

В результате деколонизации и достижения после Второй мировой войны высокого уровня жизни Европа в начале 1960-х годов превратилась в континент, охваченный сетью иммиграции. Этот процесс нарастал в 1980-е и в начале 1990-х, и сейчас даже в таких странах, как Ирландия, Греция, Испания, Португалия и Италия, откуда шел постоянный поток эмигрантов, проживают достаточно большие сообщества иммигрантских меньшинств.

В течение очень короткого времени Западная Европа стала такой же, как и политэтничный Новый Свет. К 1975 году среди населения Франции почти 11% родились за ее пределами (в том числе в бывших французских поселениях как в Алжире, так и в других ранее завоеванных, а впоследствии потерянных территориях). В 1990 году – 10% зарегистрированного населения составляли те, кто родился за границей. Это больше, чем в Соединенных Штатах, где 8% было зарегистрировано в 1990 году, 9% – в 1996 после массовой легализации нелегальных иммигрантов в конце 1980-х–начале 1990-х годов. Приток иммигрантов в Западную Германию в конце 1960-х и в конце 1980-х был пропорционально равен или даже превосходил тот, который хлынул в Соединенные Штаты в конце Первой мировой войны. В такой традиционно этнически гомогенной стране, как Швеция, в середине 1990-х годов 10% населения были выходцами из-за рубежа.

Новый мультикультурализм особенно заметен в больших городах. В начале 1990-х пятую часть населения Лондона составляли «не-белые», четверть населения Брюсселя или Франкфурта причислялись к «иностранцам».

Наряду с европейским мультикультурализмом, который в основном базируется на новой этнической иммиграции, в некоторых регионах (особенно в Испании) усиливается политика идентичности, а также тенденция к возрождению ранее маргинализированных языков национальных меньшинств, например, валийского. С другой стороны, сексуальные движения в Европе гораздо менее заметны и напористы, чем в Соединенных Штатах.

Постнациональная мультикультурность носит спорадический, изменчивый характер и зачастую является следствием самоутверждения этнических групп, тогда как другие типы мультикультурных обществ, особенно досовременные империи, были в этом отношении более статичными. Мультикультурализм был в таких обществах скорее унаследованным, чем заново возникающим. Сегодня массовая коммуникация и возможность массовых перемещений создают условия для новых комбинаций культур или «культурной гибридации». Эти тенденции наиболее заметны в новых направлениях поп-музыки и в таком явлении, как смешивание национальных кухонь. Национальная унификация культуры, которая после этнических чисток в ходе двух мировых войн и геноцида европейского еврейства достигла кульминации в Европе к середине XX века, теперь всюду нарушилась, несмотря на то, что время от времени бывают вспышки новых этнических чисток, например, в Боснии и Хорватии.

Политика, институты и политические противоречия

Две страны, Канада и Австралия, возвели мультикультурализм в ранг официальной политики в 1970-е годы. Сейчас это наиболее открытые для иммиграции страны в мире. Уже в это время около 16% населения Канады и 20% Австралии были

* Единой и неделимой (фр.) – *Прим. ред.*

рождены за границей. В обеих странах поворот к мультикультурализму явился частью больших перемен в моделях иммиграции. В Австралии было открыто провозглашен принцип «Сохраним Австралию белой!», и до окончания Второй мировой войны иммигранты были преимущественно британцами. Потом хлынул мощный поток итальянцев и греков. В 1960-е годы, когда стал ощущаться дефицит трудовых ресурсов, требование ограничивать иммиграцию европейцами было ослаблено и начался значительный приток азиатов. В обеих странах существовало также малочисленное, маргинализированное и дискриминируемое коренное население, которое начало пробуждаться в 1960-е годы.

Мультикультурализм зародился в Канаде как реакция на действия Королевской комиссии по билингвизму и бикультурализму (1963), пытавшейся достичь нового англо-французского компромисса перед лицом стремительно нарастающего франкофонского национализма в Квебеке. Раздались голоса, утверждающие, что Канада была основана не двумя, а тремя нациями, что аборигены были первой нацией и не могут быть просто отброшены. Подчеркивалось также, что этническая сложность Канады не может быть сведена к двум культурам. Эти голоса были услышаны интернационалистским правительством либералов, возглавляемым Пьером Трюдо – убежденным противником квебекского национализма. В октябре 1971 года федеральное правительство сделало официальное заявление о мультикультурализме как цели публичной политики.

Акцент был сделан на сохранении культурного наследия меньшинств, улучшении и выравнивании межгрупповых отношений с помощью мер, направленных против расизма и других форм дискриминации и в поддержку равных возможностей. Лозунгом этой политики стало «Одна нация, два языка, много народов и культур». В 1972 году в рамках Департамента госсекретаря был учрежден Директорат по мультикультурализму, и до середины 1990-х годов в состав федерального кабинета входил министр, официально ответственный за решение мультикультурных проблем. Мультикультурная ориентация была записана в Декларации прав и свобод (1982) и в Акте о мультикультурализме (1988), благодаря чему он оказался главной чертой самоопределения Канады.

Австралийские аборигены стали полноправными австралийскими гражданами только в 1967 году, что можно считать запоздалым окончанием белого правления Австралией. Международный антиколониализм и геополитическое положение Австралии постепенно привели к отмене явно расистских критериев иммиграции. Вступление Британии в Европейское Сообщество, обсуждавшееся в 1960-е годы и, наконец, достигнутое в 1973 году, способствовало переориентации австралийской торговли и международной политики в направлении Азии.

Начало мультикультурной политической ориентации положила в 1972–1975 годах правительство лейбористов, затем ее продолжили либералы. Она подразумевала серию антидискриминационных мер, признание за аборигенами права на землю, публичную поддержку находящихся в тяжелом положении этносов, образовательные и телерадиовещательные программы, обращенные к конкретным культурным сообществам. В 1980-е годы, при новом правительстве лейбористов, в рамках департамента премьер-министра был утвержден отдел по мультикультурным вопросам, и в 1989 году была объявлена Национальная программа в поддержку мультикультурной Австралии.

Хотя мультикультурализм поддерживался обеими партиями, такая поддержка почти всегда была противоречивой. Частично это объявлялась страхом перед притоком иммигрантов во времена экономического спада. Другим поводом для критики служили перспективы национального единства или будущее традиционных национальных

ценностей. Поскольку мультикультурализм включает в себя признание коллективных прав и внимание к коллективным возможностям, существует напряжение с соответствующими концептами применительно к индивидуальности. Право аборигенов на землю столкнулось с правами угольных корпораций, а в Австралии также и с правами фермеров-овцеводов. И в Австралии, и в Канаде в течение 1990-х годов мультикультурализм несколько сдал свои позиции.

Канадский мультикультурализм столкнулся с бикультурными конфликтами между квебекским национализмом и английской Канадой. Различные бикультурные проблемы отодвинули мультикультурализм на второй план и в Новой Зеландии. Хотя Новая Зеландия также становится этнически более разнообразной, основные ее проблемы связаны с развитием сложных взаимоотношений между белыми поселенцами, пакеха (Pakeha), составляющими большинство, и коренным населением маори – крупным и относительно обеспеченным меньшинством.

В Соединенных Штатах мультикультурализм не был принят в качестве официальной политики, но сама модель иммиграции в эту страну всегда отличалась большим культурным разнообразием, чем в Австралии, Канаде и Новой Зеландии. В 1990–1991 годах в Австралии более 70% иммигрантов составляли люди европейского, ново-зеландского и северо-американского происхождения. Среди проживающих в Канаде иммигрантов доля прибывающих из Европы и США доходила до 60%. Но в США лишь 25% официально зарегистрированных иммигрантов прибыли из Европы или Канады. Этническая политика и образование мультиэтнических коалиций коалиций – старая игра американской политики.

В Соединенных Штатах мультикультурализм возник в 1970-е годы, но несколько в отличном контексте и с другими коннотациями, чем в Канаде и Австралии. Он в большей степени относился к феминизму, особенно культурному и этническому феминизму, к движениям черных или афро-американцев, а также геев и лесбиянок. Центрами их сопротивления являлись обычно университеты и колледжи высшего образования. Наиболее острыми вопросами были требования этнических квот, мультикультурных учебных программ, юридических норм против дискриминационных высказываний и сексуальных домогательств.

Но и иммиграция, прежде всего из Мексики и остальной Латинской Америки, осталась очень сложной проблемой, хотя в 1989–1991 годы было легализовано большое количество нелегальных иммигрантов. Были приняты меры по усилению контроля за протяженной мексиканской границей и сделаны шаги в направлении формального утверждения английского как единственного официального языка, поскольку на юго-западе его несколько потеснил испанский.

Некоторые исторические изменения, касающиеся роли этничности в преобладающем в США самосознании, связанные с либеральной националистической программой, уловил в середине 1990-х американский автор Майкл Линд (Michael Lind). Он выделяет первоначальную англо-Америку (до гражданской войны), сменившую ее евро-Америку, закончившуюся вместе с поражением расизма в конце 1950-х, и ныне существующую мультикультурную Америку. Линд хотел бы, чтобы ее сменила транс-Америка, нечувствительная к цвету кожи, гендерно-нейтральная, в которой отсутствовало бы само понятие «иммигранты».

Мультикультурализм вошел в европейский политический и академический лексикон в середине 1980-х, но он не был выражением официальной политики. Тем не менее поддержка, которую оказывает шведское правительство специальным образовательным программам, предоставляющим иммигрантам возможность обучаться на родном языке, ассоциациям иммигрантов и публичным фольклорным праздникам, может считаться политикой мультикультурализма.

Нидерландская концепция «политики по отношению к меньшинствам», направленная на поддержку крупных иммигрантских групп, также является активной мультикультурной политикой, хотя и не использует этот термин. Старая традиция «создания опор», когда великодушное государство поддерживало школы разных конфессий, теперь распространяется также и на родителей-мусульман и индуистов.

Фактически, Западная Европа стала мультикультурной, со значительными южно-азиатскими меньшинствами (в Великобритании), чернокожими из Вест-Индии и африканских регионов вокруг Сахары (в основном Великобритания и Франция). Большое количество переселенцев из Северной Африки и Ближнего Востока, от Турции до Ирана, распространилось по всему континенту, но концентрируется во Франции и Германии. Было построено множество мечетей, большей частью во Франции, а в Великобритании есть также свои индуистские храмы. Возникли и подверглись изменениям многие субкультуры городской молодежи, определяющие стиль ее жизни.

Это привело, в свою очередь, к культурному напряжению, включая вспышки этнического насилия. Такие национальные символы, как флаги и гимны, возродились в качестве монокультурных знаков, противопоставляемых новому многообразию. В Австрии, Бельгии и Франции (а в меньшей степени – и в других странах) монокультурный национализм на выборах 1980-1990-х годов проявил себя как значительная политическая сила.

Хотя можно говорить об общей мировой тенденции к мультикультурализму, верно и то, что она почти повсеместно вызывает усиление обратной реакции со стороны все более воинствующего или «фундаменталистского» монокультурализма. За последние два-три десятилетия вырос уровень религиозного фундаментализма – христианского (преимущественно протестантского) в США, мусульманского в арабском мире, Иране, Афганистане и Пакистане, иудейского в Израиле, индуистского в Индии, буддистского в Шри-Ланке. Шовинистический, нетерпимый национализм был усилен распадом СССР и Югославии – в обоих случаях распад произошел скорее благодаря маневрам соперничающих политических элит, чем массовым националистическим движениям.

Таким образом, для выработки политических мер соответствующей новой культурной ситуации было сделано мало. Сильные национальные традиции часто приходят в конфликт с новыми реалиями. Французская концепция секуляризованного публичного образования стимулирует сильную отрицательную реакцию на головные платки, которые носят некоторые мусульманские школьницы. Многоязычие фактически подрывает французское, да и вообще европейское, представление о нации как о сообществе, имеющем единый язык. Несмотря на то, что в Германии выросло уже целое многочисленное поколение иммигрантов, доминирующей немецкой политической концепцией остается представление о том, что «Германия – не страна для иммигрантов». Старый германский принцип определения гражданства по этническому признаку и акцент на том, что гражданство должно быть единственным, привели к появлению множества родившихся в Германии и говорящих по-немецки «иностранцев».

Правительства медленно адаптируются к изменившимся обстоятельствам. Но все же это происходит. Например, в 1989 году во Франкфурте-на-Майне, одном из самых полиэтничных городов Европы, был создан Отдел по мультикультурным вопросам. В некоторых странах мусульманам было разрешено (пусть не без колебаний и при условии строго контроля) на равных правах с христианами создавать собственные школы. Совет Европы уделяет большое внимание культурным и прочим правам меньшинств.

Вопросы социальной и политической теории

В 1990-х годах мультикультурализм оказался в фокусе не только идеологических и политических противоречий, но и дискуссий и разработок в социальной и политической теории, а также философии. Он стал важным основанием для выработки новых или более глубоких объяснений человеческой мотивации, социального и политического порядка и членства в коллективе. Как таковой, мультикультурализм связан с проблемами культуры, идентичности, прав, сообществ, классов, наций, республик, гражданства, глобализации. Центром этих дискуссий стала Северная Америка, но они относятся ко всем мультикультурным областям мира, и интерес к ним все увеличивается.

Культуры и идентичности

Подъем движений, утверждающих свое отличие от доминирующих ценностей и норм и требующих признания и уважения к своему праву на различие, означает новое утверждение культуры и культурных сообществ, причем в той форме, которая противостоит послевоенным тенденциям, преобладавшим в Западной Европе, Северной Америке и Океании. Точно так же они противостоят и многим послевоенным социальным и политическим теориям, утверждавшим секуляризацию, постнационализм и материализм, преобладание достигнутого по сравнению с предписанным*, массовой коммуникации над глубокими культурами. Более того, хотя эти новые культурные сообщества и являются социальными конструктами (нередко они даже презентируют себя в качестве таковых), их точкой отсчета служат так называемые примордиальные характеристики «расы», этничности и пола, а не «постматериалистические» ценности свободы слова, окружающей среды и высокого уровня жизни.

Мультикультурализм выдвинул на передний план культуру как идентичность. Концепт идентичности был разработан после Второй мировой войны Эриком Х. Эриксоном в теории личностного развития, и до недавнего времени применялся в основном в психологии индивидуальности. Он редко использовался в чистом виде в классических концепциях национализма, хотя его релевантность в этом контексте очевидна. В 1990-х годах поднялась волна интереса к проблемам идентичности, но можно сказать, что сам концепт при этом пострадал, поскольку рассматривался с точки зрения идентичности как данности. До сих пор недостаточно изучены самые общие процессы формирования и изменения идентичности, как коллективной, так и индивидуальной (например, из-за чего происходит – или не происходит – *дифференциация* субъекта по отношению к другим, развитие и изменение его *самоотождествления*), а также значимость или способы достижения *признания* со стороны других.

Среди многих вопросов по поводу культуры, которые вызывает или должен вызывать мультикультурализм, два относятся к наиболее важным сторонам мультикультурных обществ. Один касается различия между статичными и изменчивыми культурами, т.е. статичной и изменчивой мультикультурностью. Так, досовременные империи были в основном статичными, их разнообразные языки, законы, обычаи и религии эволюционировали очень медленно. Напротив, ныне существующая постнациональная мультикультурность Северной Америки и Западной Европы явно намного более изменчива. В то же время право на существование и выживание, которого требуют новые культурные движения, в свою очередь, требует

* Имеется в виду одна из типовых переменных Парсонса – *Прим.ред.*

достижения некоего стабильного состояния. Таким образом, мультикультурализм оказывается вовлеченным в полемику по поводу культурного эссенциализма и конструктивизма.

Проблема изменчивости и стабильности тесно связана с другой – напряжением между аутентичностью культуры и ее адаптивностью. Последняя сейчас часто обсуждается в терминах глобальной гибридизации или креолизации. Обе эти пары культурных характеристик зависят от политических и управленческих возможностей, которые предоставляет мультикультурализм. Он может делать акцент на поддержке выживания и аутентичности уже существующих культур, например, исконных для данной территории этнических культур, либо может быть ориентирован преимущественно на поддержку культурного разнообразия независимо от его долговечности и аутентичности.

Членство, порядок и права

До сих пор мультикультурализм гораздо оживленнее обсуждался в рамках политической теории и социальной философии, чем в рамках теории культуры. Мультикультурализм ставит ряд базовых вопросов, касающихся преобладающих ныне правовых теорий и политического порядка.

Порождаемые мультикультурализмом коллективные и содержательные, т.е. выходящие за рамки процедурных, требования приходят в конфликт с либерализмом, пронизывающим политическую традицию и самосознание в США, поскольку подвергают сомнению авторитеты Старого мира, конституционные индивидуальные права и весьма критически пересматривают демократическую политику. В самом деле, в нынешний период мультикультурализма в США проводились определенные «поддерживающие мероприятия»*, направленные на утверждение прав женщин и этнических меньшинств, хотя сейчас в этом отношении наблюдается отступление. Но поскольку мультикультурное разнообразие во многом является результатом новых моделей миграции, поддержка либеральной «процедурной республики» потребует более строгого регулирования членства и иммиграции. Как тогда либерализм сможет провести границу, чтобы избежать нелиберальных политических концепций?

В американских дискуссиях на эту тему сторонники мультикультурализма, как правило, основывают свои аргументы на коммунитарной концепции социальной жизни, возникающей в сообществах, имеющих общий язык и ценности. Коммунитаризм, в свою очередь, должен считаться с неоднородностью сообществ, сталкиваясь с дилеммой культурного релятивизма либо культурного подчинения и интервенции. Возникают, например, вопросы, как быть с патриархом и женоненавистничеством, существующими в определенных культурных сообществах, с общим отсутствием в них права индивидуального выбора.

Мультикультурализм сложно уживается и с другими основными политическими традициями. Республиканство, к которому эмпирически ближе всего современная Франция, с его акцентом на гражданских добродетелях и участии в делах общего блага всех граждан республики, строго говоря, несовместим с признанием разделения граждан на различные культурные сообщества. Но, с другой стороны, поскольку членство в республике не считается априорно закрытым для носителей конкретных культур, то в процессе вхождения в республику возможно существование переходных состояний, которые допускают мультикультурность. В любом случае, если республика становится разнообразной в культурном отношении – по какой бы то ни было причине,

* В оригинале: «affirmative action» – термин, означающий политику предпочтения, при прочих равных отдаваемого национальным и расовым меньшинствам.

включая ошибки предыдущей политики – дает ли республиканская концепция гражданства основания для насильственной ассимиляции или изгнания? Если же нет, то какие изменения должны произойти в республиканстве, чтобы справиться с реальной мультикультурностью?

Для этнокультурного национализма, существующего в теории и практике немецкой и славянской традиции начиная с Гердера и далее, центральной является идея национального самовыражения и самоопределения, причем нация понимается как специфическое этнокультурное сообщество, изначально и наиболее часто определяемое наличием общего языка. Мультикультурализм может ужиться с национализмом только при условии, что будет подчинен принципу и требованиям национального единства перед лицом национальных задач на мировой арене. Последние, однако, редко осмысляются применительно к современному миру. Насколько значительны сейчас эти требования?

Этнокультурный национализм может признавать мудрость наций, решивших оставаться вместе с другими нациями в пределах одного государства, не отменяя их права на (другое) самоопределение в будущем. Это означает, что в любой момент может случиться так, что одна из наций пожелает отделиться от многонационального мультикультурного государства. Но ясного теоретического понимания (и еще меньше политического согласия), когда и как культурное сообщество, заявляющее о себе как о нации, имеет право отделиться, и на какой территории, не существует. Этот вопрос весьма уместен применительно к будущему Квебека в мультикультурной Канаде, каталонцев в Испании и т.д. Он вставал при распаде СССР и Югославии.

Мультикультурализм плохо сочетается со всеми основными течениями современного идеологического спектра, и поэтому сам факт его реального существования бросает им вызов. Для консервативной, правой идеологии мультикультурализм является проблемой, потому что он не традиционен – как было в давно отживших свой век досовременных империях – а представляет собой нечто новое, порожденное новыми потоками миграции и крушением традиционных авторитетов и иерархий. С другой стороны, само по себе культурное разнообразие не враждебно основным направлениям консерватизма. Для либерального центризма с его традиционным приятием терпимости и плюрализма существенно, что мультикультурализм бросает ему вызов своим требованием коллективных прав и подвергает тем самым сомнению как истинную универсальность либеральных ценностей, так и высшую ценность прав индивидуальных.

Мультикультурализм и сознательная политика идентичности на самом деле выросли из левой идеологии, оказавшись мутацией как ее самой, так и характерных для нее нападок на дискриминацию, неравенство и угнетение. Это, однако, не означает отсутствие серьезнейших вызовов также и левому эгалитаризму и социализму. Обособленность, предполагаемая мультикультурализмом, – такая же проблема для универсальности левых ценностей, как и либеральных. Помимо прочего, мультикультурализм представляет собой вызов левой концепции одного решающего и несущего в себе коренные смыслы агента социальных изменений, будь то класс в социалистической традиции или угнетаемый народ – в революционном национализме (бывших) колоний, Латинской Америки и стран Карибского бассейна. Правда, при этом не указывается другой источник действий, направленных на социальную трансформацию.

Независимо от того, будет ли мультикультурализм озабочен борьбой с левым видением проблематики изменений, новая культурная динамика постнациональных мультикультурных обществ нуждается в дальнейшем изучении.

Библиография

1. Атлас народов мира. М.: Этнологический институт им.Миклухо-Маклая при Департаменте геодезии и картографии Государственного геологического комитета СССР, 1964.
2. Citizenship and national identity. From colonialism to globalism / Ed. by T.K. Oommen. New Delhi, London: SAGE, 1997
3. *Glazer N., Moynihan D.P.* Beyond the melting pot. The Negroes, puerto ricans, jews, italians, and irish of New York city. Cambridge: Cambridge Mass., MIT Press, 1963.
4. *Gunnemark E.* Countries, peoples and their languages. The geolinguistic handbook. Gothenburg: Geolinguua, 1991.
5. Die Habsburgermonarchie 1848-1918 / Ed. by A. Wandruska, P. Urbanitsch. Vol. 3: Die Volker des Reiches; vol 4: Die Konfessionen. Wien, Osterreichische Akademie der Wissenschaften. 1980 and 1985.
6. *Heller T.* Modernity, membership, and multiculturalism // Stanford Humanities Review. Vol. 5.2. 1997. P. 2-69.
7. *Kappeler A.* Russland als Vielvölkerreich. Entstehung, Geschichte, Zerfall. München: C.H. Beck, 1992.
8. *Kurthen H.* The Canadian experience with multiculturalism and employment equity: lessons for Europe // New Community. Vol. 23. № 2 (April 1997). P. 249-70.
9. *Kymlicka W.* Multicultural citizenship: a liberal theory of minority rights. Oxford: Clarendon Press, 1995.
10. *Le Bot Y.* Violence de la modernité en Amérique Latine. Indianité, société et pouvoir. P.: Karthala, 1994.
11. *Lind M.* The Next American nation: the new nationalism and the fourth American revolution. New York: The Free Press, 1995.
12. Multiculturalism. A critical reader / Ed by D.T. Goldberg/, Oxford: Blackwell, 1994.
13. Multiculturalism and the Canon of American Culture / Ed. by H. Bak Amsterdam: Amsterdam University Press, 1993.
14. Nationalism and Empire. The Habsburg Monarchy and the Soviet Union / Ed. by E. Rudolph and D Good. New York: St. Martin's Press, 1992.
15. *Noiriel G.* Le creuset francais: Histoire de l'immigration XIXe-XXe siecles. Paris, Seuil, 1988.
16. *Schnapper D.* La France de l'intégration. Sociologie de la nation en 1990, Paris, Gallimard, 1991.
17. Social Theory and the politics of identity / Ed. by C. Calhoun . Cambridge Mass. and Oxford: Blackwell, 1994.
18. *Taylor C.* Multiculturalism and «The politics of recognition». Princeton: Princeton University Press, 1994.
19. *Therborn G.* European Modernity and Beyond. The Trajectory of European Societies 1945-200. London, Sage, 1995.
20. Unsettling Settler Societies / Ed. by D. Stasiulis and N. Yuval-Davis. London: SAGE, 1995.